

Когда Шэн Синъюань прибежал во двор, там уже вовсю кипела каша: дерущиеся и те, кто пытался их разнять, сплелись в один сплошной клубок.

Армейцы — народ крепкий, махать кулаками умеет каждый первый, что уж говорить о таких асах третьей роты, как Лу Ливэнь и Гу Фэй. Когда эти двое сцепились, лезть между ними рискнули разве что несколько командиров отделений. Зеленых новобранцев же раскидало в стороны первыми же случайными пинками — только их и видели.

— Что стряслось? — Шэн Синъюань не рискнул соваться в самое пекло и бочком пристроился к Лао Ню, чтобы разузнать обстановку.

— Да пес его знает! — Лао Ню кивнул в сторону дерущихся. — Ребята из третьего отделения говорят, что их командир вышел из кабинета командира роты сам не свой. А как наткнулся на помощника командира отделения Лу, так сразу, без лишних слов, ка-а-ак врежет ему с правой!

Шэн Синъюань присмотрелся к яростной потасовке. Стало ясно: Гу Фэй лупит противника не на жизнь, а на смерть, вкладывая в каждый удар всю злость, в то время как Лу Ливэнь в основном глухо обороняется. Лишь когда натиск стал совсем нестерпимым, помощник командира начал огрызаться в ответ.

«Неужели всё из-за места на соревнованиях?»

Шэн Синъюань озадаченно потер подбородок, пытаясь сопоставить факты.

— Вряд ли, — покачал головой Лао Ню, сочувственно причмокнув. — Если бы они из-за этого цапались, то подрались бы гораздо раньше. Наверняка тут какая-то другая чертовщина всплыла.

Стоя в толпе зевак, Шэн Синъюань никак не мог взять в голову: как эти двое, которые раньше были не разлей вода и считались названными братьями, докатились до такой дикой грызни?

— Твою мать! Не лезь в мои дела, сука! — Гу Фэй, которого Гао Цзяньго и еще один командир отделения вовсю волокли в разные стороны, извивался всем телом и яростно сучил ногами, пытаясь достать соперника.

— Да, влез! И что ты мне сделаешь? — Лу Ливэнь тоже завелся не на шутку. Лицо его перекосило от обиды и злости: — Я же ради тебя, придурка, старался! Всё ради твоего же блага!

— Ради блага?! — тяжело дыша, прохрипел Гу Фэй. Его налитые кровью глаза бешено сверкали. — Ты, блядь, хочешь, чтобы я тебе до гробовой доски был должен?! Никто меня так не унижал, как ты своей гребаной копеечной жалостью!

— Ах вот как? Значит, я для тебя просто назойливая тварь, лезущая не в свое дело? — одежда и волосы Лу Ливэня были покрыты пылью, на щеке наливался багровый синяк, а из разбитой губы сочилась кровь.

— Именно так! — выплюнул Гу Фэй с едкой усмешкой. — Как мне жить и где пропадать — мое личное дело! Даже если после дембеля я останусь без гроша и без работы, я ни бога, ни черта винить не стану! Руки-ноги на месте, силу девать некуда — неужели я, блядь, сам себе на кусок хлеба не заработаю и человеком не стану?!

Грудь Лу Ливэня тяжело вздымалась. Он никак не мог перевести дух, а его палец, направленный на Гу Фэя, мелко дрожал от ярости:

— Ладно... Хорош же ты... Ну и отлично!..

— А что? Мне тебе теперь в ноги поклониться и челом бить за царские милости? — Гу Фэй с презрением смерил его ледяным взглядом. — Избавь меня от этой херни. Твоя квота на гражданское теплое местечко, ради которой ты из кожи вон лез... Да в гробу я ее видал! Мне подачки не нужны!

— Да не больно-то и хотелось! — окончательно сорвался Лу Ливэнь. — Считаю, что вся моя забота действительно ушла коту под хвост! Пригрел змею на груди!

— Я привык иметь дело с людьми, так что на лай дворовых шавок внимания не обращаю! — не остался в долгу Гу Фэй.

Разразился грандиозный скандал. Обстановка накалилась до предела — казалось, они готовы были сцепиться вновь, сверля друг друга налитыми кровью глазами, словно два разъяренных быка на корриде.

К счастью, в этот момент во двор прибежал командир роты У Тао, которого спешно вызвали из соседнего расположения. Он быстро оценил масштаб катастрофы, приказал растащить буянов по углам и рявкнул без лишних разбирательств:

— Обоих под замók! Оформить по трое суток гауптвахты каждому!

Нарушителей порядка, яростно сопевших и брыкавшихся, увели под конвоем. Толпа зрителей разошлась, потирая носы и тихо переговариваясь.

Благодаря обрывкам фраз, брошенным во время ссоры, свидетели драки быстро восстановили картину происшедшего.

Изначально Лу Ливэнь вообще не собирался бороться с Гу Фэем за путевку на соревнования по стрельбе. Однако перед началом отбора ему через каких-то влиятельных знакомых удалось

выхлопотать твердое обещание: если он займет первое место на состязаниях военного округа, Гу Фэю по возвращении на гражданку гарантированно предоставят стабильную должность в государственном учреждении с хорошим окладом.

Для сержанта второго класса, коим являлся Гу Фэй, это было невероятной удачей — при обычном увольнении в запас армия трудоустройством рядового состава не занимается. Но покровители Лу Ливэня имели серьезный вес, так что вопрос решился положительно.

Причиной такой заботы послужили тревожные вести из дома: в последних письмах Гу Фэя то и дело проскальзывало, что его невеста, с которой они встречались уже несколько лет, поставила жесткий ультиматум. Либо он выбивается в офицеры, либо находит престижную работу на гражданке, иначе свадьбе не бывать.

Получить офицерские погоны из сержантов — задача архисложная, тем более сейчас, когда гайки в этом плане закрутили до предела. Гу Фэй уже дважды срезался на экзаменах в военное училище, так что этот путь для него был заказан.

Как верный товарищ, с которым они делили все тяготы службы, Лу Ливэнь не мог оставаться в стороне. Прекрасно понимая, что гордый друг устроит сцену, если узнает правду заранее, он решил действовать втайне. Лу Ливэнь хотел преподнести это как приятный сюрприз к дембелю. Вот только командир роты У Тао, не зная подоплеки, случайно сболтнул лишнего, когда в порыве радости сообщил Гу Фэю, что после увольнения того ждет отличное теплое место.

Эта новость подействовала на Гу Фэя как красная тряпка на быка. Он и без того был уязвлен тем, что Лу Ливэнь обошел его на стрельбах, а теперь выходило, что завидную гражданскую должность ему преподносят как подачку с барского плеча.

Для любого уважающего себя, гордого мужчины принять такой «дар» было равносильно публичной пощечине. Гу Фэй рассвирепел и при первой же встрече набросился на Лу Ливэня с кулаками. В этой драке выплеснулась не только злость на друга, но и жгучая обида на самого себя — за собственную беспомощность. На стрельбище он уступил, а устраивать его жизнь на гражданке, получается, должен был тот же самый человек. Для такого самолюбивого парня подобная забота обернулась невыносимым унижением.

Скандал докатился до штаба полка, откуда уже начали поступать недвусмысленные запросы. У Тао рвал и метал. Разозлившись окончательно, он продлил срок ареста дебоширам с трех суток до пяти.

— Вот объясни мне, баранья твоя голова, — увещевал ротный запертого на гауптвахте Гу Фэя во время личной беседы. — Твой срок службы сержантом второго класса подходит к концу. С твоим средним образованием выбиться в офицеры сейчас —дохлый номер. То, что провернул ради тебя Лу Ливэнь, — это же чистой воды манна небесная! Где ты еще такую работу найдешь?

Гу Фэй упрямо уставился в пол и не проронил ни слова.

— Я понимаю, ты обижен, но ведь Сяо Лу хотел как лучше, — У Тао примирительно похлопал его по плечу. — Уж не знаю, к кому он там обратился, но выбить гражданское госучреждение... Поверь, даже мне такое не под силу.

Гу Фэй просто отвернулся к стене.

— Вы оба — мои лучшие бойцы, — вздохнул У Тао, пытаясь достучаться до его здравого смысла. — Ближе вас двоих в роте никого нет. Неужели глупая гордость стоит вашей дружбы?

— Я мужчина! — резко развернулся Гу Фэй, и в его голосе зазвенела ярость. — Я привык стоять на ногах сам и смотреть людям в глаза честно! Мне чужие обеды не нужны!

— Да какие, к черту, обеды?! — терпение ротного окончательно лопнуло. — Лу Ливэнь на пупке извивался, чтобы это первое место взять! Думаешь, он для себя старался? Или ради великой чести роты? Да хрен там! Он жопу рвал исключительно ради твоего гребаного будущего, придурок ты этакий!

— И что с того? — холодно процедил Гу Фэй. — У меня есть руки и ноги. Неужели я сам себе на кусок хлеба не заработаю?

У Тао подавился воздухом от такой непробиваемости. Он постоял немного, махнул рукой и в сердцах вылетел из камеры.

За время, проведенное под арестом, страсти понемногу улеглись.

По характеру Лу Ливэнь всегда был человеком мягким и рассудительным. Если бы в тот злополучный день Гу Фэй не уязвил его до глубины души, он никогда бы не бросил в лицо другу те злые слова про «хорошее отношение к собакам».

Но сказанного не воротишь. Судя по ледяному поведению Гу Фэя после выхода из карцера, их многолетней дружбе пришел бесповоротный конец.

— Помощник командира отделения Лу, как ты? — в первый же день после освобождения Шэн Синъюань вместе с Гао Цзяньго пришел встретить товарища у дверей гауптвахты.

Лу Ливэнь зажмурился от яркого солнечного света, почувствовав легкое головокружение. Он долго стоял на пороге, словно привыкая к простору, а затем медленно покачал головой.

После долгих бесед и вмешательства политического инструктора оба зачинщика наконец формально помирились. Впрочем, это «примирение» было лишь ширмой для начальства.

Стоило им выйти из канцелярии инструктора, как Гу Фэй тут же зашагал прочь широкими шагами, даже не взглянув на бывшего друга — словно сам воздух рядом с Лу Ливэнем казался ему ядовитым.

— Ну и дела... Неужели всё так и закончится? — вздохнул Хань Жуй, который всё это время отлеживался в лазарете. Выслушав отчет Шэн Синъюаня, он лишь покачал головой от досады.

— Вот тебе и наглядный пример того, как ложь во спасение рушит жизни, — философски заметил Шэн Синъюань.

— На самом деле помощник командира отделения Лу действительно желал ему добра, — тихо произнес Хань Жуй.

— А теперь представь: если бы я решил поучаствовать в каком-нибудь важном конкурсе ради твоего блага, но скрыл бы это от тебя, ты бы на меня обиделся, когда всё всплыло?

Хань Жуй на секунду задумался и честно кивнул:

— Обиделся бы. И очень сильно.

— Вот видишь, — Шэн Синъюань победно улыбнулся. — Подобная «забота» на самом деле эгоистична. Лу Ливэнь решил, что знает, как будет лучше для Гу Фэя, забыв, что тайное всегда становится явным. Куда честнее было бы поговорить начистоту с самого начала.

— Твоя правда, — согласился Хань Жуй, мягко улыбнувшись.

Шэн Синъюань довольно задрал нос.

— Ну, раз уж мы заговорили о честности... — Хань Жуй прищурил глаза, и на его губах заиграла лукавая усмешка. — Расскажи-ка мне откровенно: с кем у тебя был первый раз?

«Оп-па... Доигрался».

Шэн Синъюань мгновенно растерял весь свой победный пыл. Напустив на себя заискивающий вид, он осторожно пробормотал:

— Слушай, может... не надо ворошить прошлое?

— Мы ведь только что говорили о взаимной искренности, нет?

Шэн Синъюань как-то обмолвился, что у него уже был сексуальный опыт, но без подробностей.

Теперь же Хань Жуй ухватился за эту ниточку и явно не собирался отступать, намереваясь устроить настоящий допрос с пристрастием.

— Ну... это... — Шэн Синъюань лихорадочно завертел головой, соображая на ходу, а затем вдруг принялся расстегивать пуговицы на гимнастерке: — Так вот ты, оказывается, о чем мечтаешь! Хочешь поскорее увидеть меня голым? Ну держись, сейчас я всё сниму!

Однако Хань Жуй на эту дешёвую уловку не купился. Он лишь вальяжно скрестил руки на груди и с вызовом приподнял бровь:

— Снимай, я жду.

Шэн Синъюань затравленно покосился на окно, за которым сияло яркое дневное солнце. Мысль о том, что командир роты может застукать его посреди бела дня в неглиже и заставить полировать плац до блеска, быстро остудила его пыл.

— Я весь во внимании. Давай, живее! — подначил Хань Жуй, откровенно наслаждаясь его замешательством.

Сделав глубокий вдох, Шэн Синъюань действительно скинул куртку. В конце концов, он прибежал сюда в короткий перерыв между тренировками, так что если дело запахнет жареным, он просто быстро ретируется — благо Хань Жуй с его травмой за ним всё равно не погонится.

— А штаны? — Хань Жуй требовательно вздернул подбородок, напоминая капризного господина.

— Ваше Высочество, время поджигает, — взмолился Шэн Синъюань, мертвой хваткой вцепившись в ремень. — Давайте я вернусь вечером и устрою вам приватное шоу, идет?

— Ты прекрасно понимаешь, что дело не в одежде. Мне интересно знать, с кем был твой первый раз!

Шэн Синъюань мысленно проклял тот день на втором курсе университета, когда его так глупо напоили однокурсники, из-за чего и случилась эта нелепая интрижка.

«Ну не девственником же мне было оставаться в двадцать два года? Даже если бы я сам этого захотел, широкая общественность точно выступила бы против!»

Заметив, что Хань Жуй начинает хмуриться, Шэн Синъюань поспешно опустил перед ним на корточки и бережно сжал его ладони в своих:

— Если бы я знал, что в один прекрасный день встречу тебя, клянусь, я бы берег себя как зеницу ока и ждал тебя чистым и невинным.

Хань Жуй не выдержал и звонко расхохотался. Приподняв здоровую ногу, он игриво ткнулся носком армейского ботинка прямо в пах возлюбленного и шутливо погрозил:

— Прошное я тебе так и быть прощаю. Но если в будущем...

— Если я хоть раз посмотрю налево или почувствую к кому-то вожделение — можешь сразу меня кастрировать! — тут же подхватил Шэн Синъюань, ловя момент.

— Ловлю на слове! — Хань Жуй еще немного подразнил его, неторопливо потирая носком ботинка заметно напрягшуюся ткань между ног Шэн Синъюаня, и лишь затем с явной неохотой убрал ногу.

От этих дразнящих движений у бедного Шэн Синъюаня внизу живота мгновенно разлилась горячая волна. В другое время он бы обязательно перешел в наступление, но, судя по хитрому выражению лица Хань Жуя и суровой армейской реальности за дверью, сейчас был явно не лучший момент для нежностей.

Ни времени, ни места, ни условий — полная безнадега. Тоскливо покосившись на внезапно выросший в штанах бугорок, Шэн Синъюань прикрыл срам снятой курткой и, путаясь в собственных ногах, позорно бежал в сторону тренировочной площадки.

Хань Жуй смотрел ему вслед и победно, во весь голос смеялся.

<http://bllate.org/book/18240/1765419>